Герань и Дантес

У неё на окне – герань, на диване – муж,
Дочка с сыном – подростки – от скуки ей нервы рвут.
Но она ускользает мыслью в иную глушь –
Где Эдмон, сын Дантеса, хоть беден, но очень крут.

В полшестого подъём. Треплет мужа похмельный бес.
Огрызается сын, и помаду стянула дочь.
А в подвале темницы Иф молодой Дантес –
Без любви и без женской ласки – и день, и ночь.

На работе – аврал, в быту – то огонь, то дым.
Муж – в запое. Она привыкла уже давно.
А Эдмон оказался преданным и шальным,
Он сбежал ото всех – такое вот вам кино.

Облетает герань, летят лепестки в стекло.
Муж ушёл. Дети выросли. Стынут на кухне щи.
У Эдмона сложилось всё, он уплыл без слов...
И теперь и Дюма, и Дантеса – ищи-свищи.

Забытый алтарь

У забытого алтаря
Чистил крылья устало ангел.
А листва танцевала танго
В сером сумраке октября.

В битве с временем рухнул храм.
Лишь алтарь здесь да купол неба.
И никто много вёсен не был,
Не склонялся к святым камням.

Не плывёт колокольный звон –
Переплавлена медь. Отпела.
Куст калины, к морозу спелой,
Каплет горечью на амвон.

Но алтарь – всё ж алтарь, хоть был
И забыт, и обезображен,
И под небом открытым даже
Он имеет надёжный тыл:

Белый ангел свои крыла
Распростёр для его охраны,
Пусть кому-то старанья странны,
Раз любовь сожжена дотла.

Верю, храмов забытых нет,
Ангел здесь, значит вспомнят люди,
И когда-нибудь их разбудит
Вновь заутренний благовест.

Мятное

А рассвет сегодня – мятный,
Словно леденец из детства.
Шепчет радио невнятно
Через стенку по соседству.

С кухни тянется ванильный,
Сдобный запах свежих булок,
Голосит петух – будильник,
Что бескомпромиссно гулок...

Я боюсь разъять ресницы
И спугнуть мираж дыханьем.
Всё уже не повторится,
Это лишь воспоминанья.

Булок нет, а есть – диета,
Вместо петуха – мобильный.
Только грезятся рассветы
В сливках облаков ванильных.

И мерещится былое,
Где легко и так понятно.
На окне – горшок с алоэ.
Воздух свеж. И запах – мятный.

Забери моё имя

Забери, милый, имя моё, унеси на губах,
Сохрани послевкусие нашей нечаянной встречи,
От осенней полынно-прогорклой печали избавь,
Посмотри, как на клёнах желтеет под вечер резьба,
И как Время играет минутами в «чёт или нечет».

Отвлекись от бесчисленных дел и вдохни облака,
Ощути вкус закатного неба в дизайне осеннем.
Если в запахе ветра почувствуешь горечь слегка,
Вдруг зайдётся отчаянно сердце и дрогнет рука –
Это имя моё всё прощает и дарит спасенье.

Пусть не я, пусть хотя бы оно будет рядом с тобой,
Позволяя мне существовать в параллельных
пространствах.
И немного теплее вдруг станет в квартире пустой,
Полночь стрелок коснётся, и выйдут куранты на бой,
Оживив имена на губах зачарованным танцем.

Осень, ты не права

Под бренчанье гитары
Листьев слышится вздох,
Дворник, пьяный и старый,
В парке мусор поджёг.
И бурчаньем нескладным
Треск огня перекрыв,
Он в листочек тетрадный
Отсыпает махры.
Три аккорда – три жизни,
Самокрутка – взатяг...
С тротуаров отчизны
Листья хмуро метя,
Дворник сплюнет беззлобно
И тихонько вздохнёт,
На пригорке на лобном
Осень спишет в расход.
На тетрадном листочке
Горько тлеют слова –
Остаются лишь точки:
«Осень, ты не права...»

Безрассудство

Я ведь крылья просила. Ты слышал? Слышал...
Чтоб летать в тишине над бетонным адом,
Чтоб парить на закате всё выше, выше,
И тянуться за солнцем, и быть с ним рядом.

Да, я знала, оно обжигает крылья,
Я предчувствовала – это будет больно.
Но так сильно хотелось взлететь. Так сильно...
Так хотелось почувствовать ветер вольный.

Чтоб вокруг ни границ, ни преград – лишь небо,
Беззакатное небо: летать – как плавать.
Вслед за солнцем нырять, повинуясь слепо,
И однажды найти колдовскую заводь,

Где душа исцелилась бы и окрепла,
Ну а крылья – для тела родными стали б...
Жаль, от крыльев осталась лишь горстка пепла,
Хоть казались они мне прочнее стали.

Я просила. Ты дал мне, вздохнув устало:
«Не доводит людей до добра упрямство.
Не твои. И родными тебе не станут,
Коль без них рождена, твой удел – мирянский».

Ты всё знал... Только я не хотела слышать.
Заложила за крылья и жизнь, и веру,
Чтоб на миг оказаться сильней и выше.
И сгореть, высоту безрассудством меря.

Полынное

Настойки полынной отведав,
Взгляни: истончается лето.
Прозрачная горечь абсента
Анисом окрасит закат.
За тёплою нежностью следом –
Слепа, равнодушна, раздета,
В суме – жёлтых листьев монеты –
Заступит разлука в наряд.

Уже истекают минуты
Шафраново-пряных рассветов.
Они повторятся, но где-то
В других, параллельных, мирах.
Осенние астры кому-то
Сигналят в окно фиолетом.
И в этом прощальном привете
Читаются холод и страх.

Полынью пропахли ладони.
И губы – полынны и терпки.
А яблонь усыпаны ветки
Плодами от райских садов.
В глазах предосенне-бездонных
Блестит ощущенье потери,
И кружатся белые стерхи,
Но ты, как всегда, не готов

К осенним полынным закатам,
Глазам цвета туч и гранита,
Прощальному вздоху абсента
И небу со вкусом дождя.
А время не терпит возврата –
Вновь лето в бокалы разлито
И терпким полынным акцентом
По капле стекает в тебя.